

Нашествие

Хан Батый. Русь в огне

Алексей Наст

18+

Алексей Наст
Хан Батый. Русь в огне

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Хан Батый. Русь в огне / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2410-3

Третий роман тетралогии "Нашествие". 1235 - 1237 годы. Бесчисленные татаро-монгольские орды огненным валом прокатываются по Волжской Булгарии и Донским степям. Теперь их цель - богатая, но слабая, раздробленная Русь... Судьбы русских князей, их воевод, противостояние в стане хана Батые - брат Берке гнёт свою линию, молодые ханы из Каракорума и Чагатаева улуса не признают Батыева старшинства... Кровь, пожары, жестокие битвы и... любовь, без которой не может быть жизни!

ISBN 978-5-5321-2410-3

© Наст А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

трава в степи, вот тогда-то, на новом курултае, и решат чингизиды, куда повести воинов, а хан Угедэй объявит во всеуслышанье начало великого похода. Тогда его воля станет непререкаемым законом!

Бату приехал в Каракорум в сопровождении братьев Орды, Берке и Шибана, оставив улус на Беркечара. Пусть младший братишка потешит себя мыслью, что в его юных руках поводья великого улуса Джучи – приближённые наставники– советники не дадут натворить глупостей, да и гонцы от ставки до Каракорума долетают птицей – Бату всё знает, всегда готов отправить повеление.

Как только огромная процессия из нойонов и тысяч воинов гвардии, верблюдов, гружённых подарками, и быков, запряжённых в повозки с юртами и шатрами, прибыли в орду великого хана, Берке сразу пропал из поля зрения. Бату даже заскучал – Берке, всегда деловитый, вьедливый, мешал предаваться радостям жизни, а тут, с его отсутствием, словно что-то исчезло, очень важное и необходимое.

После свиданий с дядьями: великим Угедэем, Тулуем и постаревшим, присмирившим Чагатаем, Бату часто проводил время в обществе Шибана. Орда, всегда чуравшийся близких отношений, среди множества чингизидов был в надменном одиночестве или в сопровождении нойона Бурундая. Чем привлёк брата этот нойон?

Бату был полон решимости осуществить задуманное – он внук Чингисхана, а великий дед повелел покорить богатые и заносчивые народы на западе, и он, Бату, поведёт всемонгольское войско в большой поход, и завершит начатое великим предком! Отец Бату хан Джучи оказался не способным к великим завоеваниям – он предпочитал мирно кочевать в бескрайней степи или предаваться охотничьим забавам. Таков сейчас Чагатай. В молодости был кровожадный волк, а теперь братья отёрли его от власти, приучили к замкнутому степному одиночеству. Но сыновья Чагатая не такие – они рвутся в бой, они жаждут завоеваний. Таков и Бату! Как знать, если бы отец не умер молодым (Джучи умер раньше Чингисхана), может он и сам выполнил завет. Бату помнил отца, не чётко, но... Юность прошла под присмотром деда. Дед именно ему, Бату, а не старшему Орде, власть в улусе отца. Поэтому он просто обязан вытребовать всемонгольский поход в земли половцев, болгар и оруситов!

Братья знали, чего желал Бату. И они хотели того же. Потому, активное сближение Берке с сыном Тулуя Мунке Бату не настораживала – хитрый братец решил привлечь Тулуя, воздействуя на его любимца. Шибана Бату часто подсылал к сыновьям Чагатая Бори и Кадану, но те при Шибане разговоров о предстоящем походе не вели. Им было за что бороться – Чагатай, всё время твердивший о поддержке похода на запад, как-то проговорился, что имеет идею всемонгольского похода на Ближний Восток, в Рум и на Кавказ. Если монголы пойдут на юг, их поведёт или Бори, или Кадан – один из сыновей Чагатая, а завоёванные земли войдут в улус чагатаидов. Хитры, ох, хитры...

На очередном пиру, в гигантском шатре великого хана, Бату сидел на мягких подушках у огромного дастархана, внимательно следил за «противниками».

Что-то долго не было любимца Бату, нойона Аяна. Бату благоволил ему, ибо тот, не только всегда ловко и хорошо выполнял посольские поручения, которыми он ведал, но и был верным, открытым человеком. Такие люди нравились Бату, их он старался приветить, «обогреть» своим теплом, чтобы служили не за страх, а на совесть. Аяну Бату позволял говорить правду. Нужен такой человек, готовый открыть хану глаза на окружающих. Сейчас он бы очень пригодился здесь, в орду великого хана. Посольство в Рум, в которое был отправлен Аян вместе со своим младшим братом Чиеном, и нойоном Чагатая Тумеем, уже вернулось в родные нутуги. Нойон Тумей был уже здесь, крутился возле Чагатая, выполнял поручения старшего сына Чингисхана. А вот Аяна не было. Почему? Что стряслось с преданным помощником? Он уже дома – про то доложили, и ехать в Каракорум не торопится. Может, случился какой не порядок в хозяйстве? Или очень соскучился по детям и жёнам? Как бы ни было, время

позволяло – пусть отдохнёт от посольских трудов. Главное начнётся зимой, и тогда он понадобится, когда закулисные споры будут вестись особенно жарко. Сомнений нет, Рум и Багдад – государства богатые, но Русь куда богаче. Не знала разорения и Булгария. А сколько скота и лошадей можно отнять у половцев! Половцев легко обратить в рабов, а их кочевья забрать. Степь желанней кочевнику многолюдных городов!

Взгляд Бату нашёл пьяного Тулуя, лучащего в слащавых улыбках сморщенное лицо. Младший брат Угедэя, по большому, был не совсем доволен «победой» Саритая над Кореей – корейцы склонили головы, заплатили дань, но ими правит собственный царь, а центр и юг страны совсем оказались не тронуты нашествием, пухнут от богатства. Тулуй желал развязать новую корейскую войну. Но Корея мала для всемонгольского похода. Тулуй поговаривал и о войне с Индией – богатой и многолюдной, и с южно-китайской империей Сунн, но... Монголы устали от бесконечного покорения Китая, а в Индии жарко, там степные воины становятся вялыми, валятся от болезней и непривычной пищи. Не даром Чингисхан, желавший окончательно разгромить Джелал-а-дина, укрывшегося в Индии, отправил тумены за Инд, но, пролив море крови, вернул обратно. Этот довод многих образумит, а Тулуя может заставить призадуматься. Да, Берке правильно придумал – отца должен образумить сын – Мунке.

Бату оглянулся на сидящего рядом Шибана, смиренно пьющего из пиалы рисовую водку, не пьянеющего, ничем не интересующегося. А зря. Он должен не оставлять сынков Чагатая. Вон они, смеются, балагурят с героем Чермагоном. Вот и Чермагона Чагатай вызвал из Азербайджана не зря. Покоритель Муганской степи, победитель ненавистного Джелал-а-дина, будет уверять великого хана в слабости Кавказа. Это правда, что на Кавказе давно нет сильных государств, и их, несомненно, можно будет покорить, не взирая на то, что придётся воевать в горах, непривычных степнякам. Но, что у них брать? Грузия истерзана длительными войнами, города бедны, скота мало. Это главный довод – малая добыча не устроит никого. Но покорение Кавказа лишь ступень к Руму и Багдаду, к сокровищам Египта. Да, Чагатай за кавказский поход будет бороться, используя всё своё влияние старшего сына Чингисхана.

Бату не спеша стал есть отварную баранину, нарезаая мясо тонкими полосками. Надо бросить Чагатаю Кавказ, как кость голодной собаке. Завтра, когда все отоспятся после возлияний, он обсудит с Берке, как сделать, чтобы Чагатай согласился с всемонгольским походом на запад. Надо думать, думать и думать.

Какие силы может выставить улус Джучи? Тысяч шестьдесят – семьдесят кыпчаков и сартаулов. Из них десять– пятнадцать тысяч придётся оставить в улусе, для охраны порядка и наблюдения за состоянием дорог и мостов. Остаётся пятьдесят тысяч воинов, и все они не монголы.

Бату ухмыльнулся. Он стал оценивать свои силы, словно уже всё было решено и он ларкашкаши – предводитель всего войска! А всё только начинается! Не даром он пригнал в орду Угедэя табуны белоснежных степных скакунов, привёл караван верблюдов, гружённых тюками, в которых и золото, и дорогое оружие хорезмийских умельцев, и согдийские ковры. Всё это пойдёт на подкуп сторонников. А иначе как?

Пьяный Угедэй, с чашей в руке, неловко встал на ноги, взмахом руки в раз прекратил гвалт веселья и закричал хмельным голосом:

–Мы выполнили волю великого Чингисхана, призвав к покорности чжурчженей! Готовьтесь, монголы! Мы снова направим своих коней в большой поход! Хур-ра-а-а!

–Ху-ур-ра-а-а!!! – вскинулся весь курултай. – Слава великому Угедэю!!! В поход! Хур-ра-а!!!

Бату залпом осушил пиалу с водкой, вытер ощеренный в хищной улыбке рот – началось, поход объявлен! Остаток года и зима решат, куда пойдут монголы.

«Поведу их я!», – обожгло мыслью Бату.

Или Пётр Ослядюкович надоумит. Пёс, всё он. Убить его! Только не вернуть уже ничего. Ни-че-го! Но делать что-то надо. Можно было убежать в Смоленск или на Волынь. Там князья сильные, заглядывать в рот Юрию не будут. А можно откровенно поговорить с Михаилом: кто Семён для него, служака, волею обстоятельств попавший в опалу, или выгодный заложник в большой игре?

Послышался топот копыт. Лошадь неслась уверенно – всадник знал дорогу к заимке. Так и есть – Серьга.

Он осадил коня, спрыгнул, вбежал в избушку. Лошадь убежала под навес, где было припасённое сено.

– Вот хлещет. Прямо в дороге захватило, – смеясь и отдуваясь, сообщил Серьга.

– Где Микула?

– В Серенске остался.

– Почему? Князь в корме отказал?

– Служба, Семён. Князь в Чернигов зовёт! Хватит, говорит, насиделись! Теперь можем не прятаться.

– С чего бы, – ухмыльнулся Семён. Почему Михаил перестал лицемерить, и разрешает жить открыто?

Серьга стал снимать мокрые рубахи и портки, выжимал воду прямо на пол.

– Теперь Юрию не до тебя. У него другие заботы. А Михаил решил показать свой нрав – вот, видишь, твоего воеводу у себя укрыл!

– Мог бы и раньше так поступить, – сердито произнёс Семён, продолжая смотреть на редяющий дождь.

– Семён, война ведь у них.

– Где? В Суздали?! – спокойствие и задумчивость разом слетели.

– Да. Ярослав с немцами сцепился! Теперь держись! А твоего папашку Юрий из подвала выпустил.

– Кто сказал? – Семён встал, подошёл вплотную к голому, подрагивающему от прохлады, Серьге. Неужели конец опале?

– Весь город про войну говорит. Сплетен хватает. Так что, собирайся, едем к Мстиславу. Он здесь, в Серенске. На всякий случай. Мало ли. Черниговцы наших побаиваются. Ярослав дважды их тут пугал. Ха-ха. А Наташку Пётр Ослядюкович замуж выдаёт за рязанца.

Семён резко отвернулся, подошёл к открытой двери, ударил кулаком в бревенчатую стену.

– Пётр Ослядюкович пёс! Он мою семью сгубил! Зарублю его!

– Пётр Ослядюкович в приданное Наташке усадьбу твоего отца даёт.

– Едем.

– Подожди. Дождь переждём. И переодеться дай – мокрый я.

Семён смотрел на шумящий дождём лес. Душа опять стихла. Война с немцами, отец выпущен. Надо разузнать всё подробно. Перво–наперво про Агафью с детьми.

– Серьга, поедешь в Переяславль?

– Зачем это? Меня удавят по дороге!

– А ты так, чтобы не попадаться. Узнаешь про моих, и Сысою сюда привезёшь.

– Сюда? Ты спятил.

– Нет, Серьга, я серьёзно. А Микула поедет в Рязань. Я сам с Микулой поеду, – Семён обернулся.

– Чтобы тебя рязанцы хватанули, и выдали Юрию?

– Не схватят. Рязанцам плевать, по большому счёту, на Суздаль. Они вперёд не лезут, а дома – себе хозяева.

– Как знаешь, воевода, – нехотя согласился Серьга. – И что я скажу Сысою?

–Скажешь: Семён зовёт.

– Сыся в Чернигове во, – Серьга провёл ладонью по своей шее. – Он же помогал Ярославу здешние деревни зорить.

–Ладно, под Москвой свидимся, там тихо... Или, под Лопасней.

–Нет, в Лопасне рязанцев, как собак. Они за этот городишко держатся мёртво.

–Ты почему со мной споришь? – удивился Семён. – Совсем забыл почтение к воеводе?

–Ладно уж, – улыбнулся Серьга. Семён за долгие годы сроднился и с Микулой, и с Серьгой. – Воевода! Здесь не владимирщина, да и воевода ты – бывший.

–Это ещё посмотрим, – скупно буркнул Семён...

В Серенске, князь Мстислав усадил за трапезный стол, налил медовухи, был оживлён.

–Дела, Семён. Теперь совсем по другому пойдёт. Будешь пока здесь... Серьга рассказал про твоих? Отца-то твоего Юрий выпустил, сжалился – отправил в Нижний Новгород посадником, на прежнее место. А брата из ссылки не вернул.

–Князь, дозвожь в Рязань съездить?

–Что так? – Мстислав уже знал про любовь Семёна и дочери Петра Ослядюковича, но разыгрывал из себя неведающего.

–Семейные дела, – уклонился Семён от подробностей.

–Твоя семья в Новгороде. Жена и дети.

–Знаю. Хочу отправить в Переяславль Серьгу – под Москвой хочу повидать своего друга Сыся. Осмотреться мне надо.

Мстислав вытер рот рукой.

–Прощенья просить у Юрия хочешь? Посредника ищешь?

–Нет. Я теперь за Чернигов. Вы меня спасли, а там враги. Убью я Петра Ослядюковича!

–Ого! – деланно удивился Мстислав. – Ну, что ж, смотри. Князь Михаил тебя мне не отдавал, просто разрешил тебе не прятаться, и жить в Серенске. Ты, вроде, как сам по себе. Езжай в Рязань или в Москву, куда желаешь.

–Сначала в Рязань.

–А к Михаилу когда?

–Все дела сделаю, недельки через две.

–Смотри, Семён!

–Смотрю. Война-то у них большая, или так – стычки на границе?

–У них война, мил человек, – заулыбался Мстислав. Его радовало это обстоятельство. Он тут же объяснил свою весёлость. – Теперь суздальские князья связаны по рукам этой войной. Наш Михаил сможет решить дела на юге.

–Значит, здесь тоже быть войне?

–Не думаю. Даже, если за Владимира Киевского вступится Даниил с Волыни, у нас сил хватит их разогнать. Только бы суздальцы подольше провозились с немцами! Судьба Руси решается!

Семёну не понравилась самоуверенность Мстислава. Опять Михаил затевал общерусскую свару! Нет мира у князей – всё рвут, хапают, а народ слезами исходит, разоряется, жизни не видит.

В расстроенных чувствах, Семён покинул княжеский терем, нашёл избу, где обитал Микула. Хозяева – небогатые посадские смерды, хотя и потеснились, были рады ещё одному постояльцу – всё доход в семью. Убогое жильё, куча детей, копоть, грязь. Семён отвык от такой жизни. Потому, на следующее утро, в сопровождении Микулы, с лёгким сердцем, выехал в Рязань.

Он покачивался в седле и думал: что скажет Наталья? Зачем он едет туда? Зачем? Одно это слово тормозило, и призывало, натянув повод, завернуть обратно, но... Но.

Микула, глядя на терзания Семёна, бесцеремонно прикрикнул:

Серьга опустил глаза.

–В Чернигове Семён.

–Я так и думал, – не удивился Ярослав. – Вся шваль стремится под Мишкино крылышко. Что сбежали-то? Плохо у брата служилось? Ко мне бы шли!

–Мы не убежали. Нас Пётр Ослядюкович отпустил, выдал подписанные великим князем бумаги.

–Пётр Ослядюкович? Пёс. Он может пакость сотворить, – продолжал ухмыляться князь. – Значит, он Семку погубил за свою Наташку. Ладно, то дело не моё. Ты зачем в моих землях, без разрешения, околачиваешься? Высматриваешь? Тоже черниговцам служишь?

Серьга мотнул головой, глядя в сторону.

–Никому я не служу. Сыся ищу.

–Сыся? А-а, они с Семкой дружки верные... Да-а, – Ярослав оглянулся на своих дружинников. – Дайте ему лошадь. Поедешь со мной. Потом поговорим.

Серьгу выпустили. Он ловко вскочил на поданного коня. Кorteж лихо помчал к площади, где теснились собравшиеся смерды. Тут же, отдельной кучкой, стояли купцы, воеводы, чернели воронами монастырские служки.

Князь осадил коня, сошёл на землю. К нему сразу подошёл епископ Геромен, перекрестил князя. Серьга крутил головой, выискивая взглядом Сыся, но его не было. Над княжеским креслом, установленным на помосте посреди площади, у стен собора, развивались хоругви.

Серьга не знал, плохо или хорошо, что попал на глаза Ярославу. Ярослав был до того импульсивен, что менял настроение неожиданно. Сейчас он принял его не как слушника, но в любую минуту мог передумать... Где же Сысой?

Ярослав, громко выкрикивая слова, призвал смердов и дружинников постоять за переяславские интересы, отомстить ливонским рыцарям за русские обиды. По словам князя вышло, что в поход на крестоносцев идут только полки из Переяславля и Новгорода, то есть, только из вотчин Ярослава. Юрий, как всегда, остался нейтрален к затеям младшего брата, придержал и других братьев. Может, он верил, что против немцев хватало сил одних переяславцев, а может, надеялся, что поражение ослабит воинственного Ярослава. Ярослав уже, однажды, бунтовал против старшего брата, так что, ослабев, будет более послушен. Серьга этого не знал, и знать не хотел. Ему, главное, было отыскать в этой толчее Сыся, и поскорее удрать отсюда, чтобы не отведавать княжеских подвалов.

Серьга заметил, что несколько дружинников не спускают с него глаз. Да, видно его ждал серьёзный разговор с Ярославом...

С площади, где смердов начали делить на отряды, князь Ярослав, с десятком дружинников, воеводой Дубиной – начальником охраны кремника, и Серьгой, вернулись в детинец. Ярослав велел идти в терем.

Шагая по узкому, тёмному коридору, сказал:

–Сысой завтра приедет. Его нет в городе. Зачем тебя послал Семён?

–Просит Сыся о встрече.

–Да? Интересно. Смотри, Серьга, если это черниговские козни, из шкуры твоей ремней нарежу! Где будут встречаться?

–Под Москвой.

–Видишь – война у нас. Сысой мне неотлучно нужен, не до разговоров ему. Пусть сюда Семён сам приезжает, тут и поговорят.

–Бойтся. Они с Петром Ослядюковичем враги.

–А с Юрием? – язвительно глянул Ярослав.

–Великий князь обманут Петром Ослядюковичем. Он не знает всей правды. Семён никуда не убежал. Мы поехали с разрешения...

–Пусть приедет, падёт в ноги, вымолит прощение у Юрия.

княжеских трапезных было в избытке, но то на любителя, а квас круглый год и сбитень пить не будешь. Вот и заваривали листья вишни, малины, смородины.

Семён напряжённо вспоминал Наталью, и сердце падало в глупой истоме – любимая. Связался ведь с девчонкой, дурак. А дома жена... И тут же отогнал эту мысль – то другое, там семья, а здесь сердечный жар, омут, страсть, да и то в прошлом – Наталья выйдет замуж, по другому быть не могло. Душу затопила невыносимая боль.

Семён зло пнул огонь костра – горящие головни разлетелись. Микула заорал, обматерил.

Семён ушёл в лес, в темноту. Сидел под берёзой, ковырял палкой землю, шлепал комаров на шею. Что будет? Что? Зря он всё это затеял! Уехать? Нет. Он должен её увидеть. В последний раз...

Утром было холодно, жутко хотелось спать, но Микула растолкал, выпросил денег, и ушёл в город. Семён дальше спать не мог, спустился к реке, умылся. Не елось, не сиделось. Пока ждал, измучился.

Был полдень. И он понял, что она придёт в полдень – все же дрыхнут, после обеда. Сейчас хоть город вырежи – храпят, ироды!

И правда, из череды подвод, выезжавших из города, одна отделилась, свернула к реке, встала. Семён разглядел Микулу, ругающегося с возницей – вот, жлоб, обсчитал, верно, смерда. Точно! Микула пошёл, и с телеги слезла девушка. Семён чуть не побежал навстречу, еле сдержал себя – она!

Он смотрел, как она идёт, смотрел во все глаза.

Она разглядела его среди деревьев, бросилась бегом. И Семён побежал.

Поймал её, как пушинку, схватил, завертел. Наташа! Наташенька!

А Наталья рыдала, целуя.

Микула с ухмылкой смотрел на них.

Семён горячо заговорил о своей беззаветной любви к воеводской дочке, о тоске, о сердечной боли, о невозможности жить без неё. Не спуская её с рук, так и понёс её в лес.

Микула сплюнул – горбатого только могила исправит.

Злясь, он уселся на берегу, бросал в воду куски земли, скомканную траву. Любят люди друг друга. Страшно подумать, сколько вёрст отмахали, ради вот этих нежностей. Жалко их, пёсских детей. Хоть и грех, а ведь любовь! Против неё не попрёшь! А ему, Микуле, нет счастья – один баламут, ни кола, ни двора. Мечтал ведь – женится. Вон, Парашка из кремника, девка какая, а! Умная, добрая. Слово скажет – душа задрожит. Поди уж, кто-то забрал. Так и проживёт один-одинёшенек.

Вечерело.

–Микула!

Расстроенный Микула вернулся к опушке. Наташка ныла без слёз, не отпускала Семёновой руки. Тот был бледнее смерти.

Мученики они, на горе себе слюбились.

–Микула, проводи Наталью до дома.

–Пойдём, – буркнул Микула.

–Любимый, – шепнула девушка, и впилась губами в последнем поцелуе.

Семён долго не отрывался от неё, наконец, отпустил, отвернулся.

Микула и Наталья побрели к городу потерянные.

Семён заорал издалека:

–Наташа-а! Я люб-лю те-бя-я-я!

Наталья разрыдалась.

Так и въехали в город – плачущая девушка и хмурый Микула. В этот раз Микула расплатился с возницей не торгуясь.

Вернувшись из города, он торопливо сварил похлёбку, поел – Семён есть отказался.

–Орду и ты, брат, пойдёте к Тараке, и склоните её к тому, что западный поход выгоднее Угедэю и их старшему сыну Гуюку, чем любые другие.

–Убедить Тараку! Подарков здесь будет мало, – произнёс Бату, немного разочарованный. Берке помолчал, заулыбался, продолжил тихо:

–Дядя Угедэй отменный пьяница. Заветы Чингисхана о вреде пьянства великий хан позабыл, и уже опух от беспробудных возлияний. Тарака понимает, что наш дядя долго не протянет...

Братья не прерывали Берке, внимая словам, за которые «маленьких людей» могли послать на смерть. Берке доверял братьям, считал их верными клану джучидов, а самым коварным – себя. Им он мог сказать любое, самое запретное.

–И что? – не выдержал паузы Бату. Манера Берке выражаться не до конца, иногда его злила. Берке ставил его – улусного хана, в положение глупца, выпрашивающего истину. Брата спасала от гнева Бату невидимая грань, которую он никогда не переступал – он позволял себе подобные выходы только наедине или, когда братья были в тесном кругу, без свидетелей, как сейчас.

–Это значит, через какое-то время у Великого Монгольского ханства появится новый хан. Гуюк – наследник. Тараке было бы очень выгодно, чтобы в грандиозном походе, Гуюк проявил себя во всём блеске. А только западный поход может быть грандиозным и успешным – половцев мы разобьём, болгар, а орусуты слабы и разобщены. Когда Гуюк вернётся в Каракорум из такого успешного похода, никто не усомнится в его праве быть ханом.

–Не понимаю. Что ты предлагаешь?

–Гуюк будет в походе равным лашкаркаши, – сказал Берке.

Глаза Бату потемнели – ах, собака, неужели Берке переметнулся на сторону пса Гуюка?! Подкуплен? Но чем его можно соблазнить? Он правитель, почти равный Бату, в улусе Джучи. Что ни делает, Бату соглашается – пусть так. Неужто, мало ему роли верного помощника? Неужели, задумал чёрное дело – извести его, Бату?! Тогда, брату смерть за такое вероломство!

–Этот поход возглавлю я! – Бату не выдержал, вскочил на ноги, стукнул себя кулаком в грудь. Приступ ярости обуял его. – Дед велел нашему отцу покорить западные земли. Дед меня поставил ханом в улусе. Потому, только я имею право быть лашкаркаши! Я поведу монголов в западный поход! Я!

Братья никак не отреагировали, остались спокойны. Ты, так ты.

Берке ядовито усмехнулся:

–А кто ещё? Всё правильно. Ты будешь лашкаркаши. Никто не смеет претендовать на эту роль. А Гуюк – чуть-чуть ниже... На это чуть-чуть купятся и Тарака, и сам Гуюк... А в походе мы найдём способ заставить Гуюка повиноваться лашкаркаши.

Бату подумал, подумал, и расслабился. Хитёр, лисица. В словах Берке был резон. Тарака ухватит приманку, словно голодная рыба. А во время войны, пусть Гуюк попробует не подчиниться! Гуюк чингизид, «белая кость», Бату не сможет его наказать, в случае послушания, но вправе будет отправить назад, к Угедэю. Пока суд да дело, поход будет продолжаться, да и сам великий хан Угедэй уже не посмеет относиться к Бату пренебрежительно, держащему в руках все силы ханства.

Бату посмотрел на Орду. Тот невозмутимо смотрел перед собой.

–Что скажешь, старший брат?

–Доверься ему, Бату. Берке лучше всех нас умеет извлекать выгоды из слабостей людей. Поговорим с Таракой, может, что и получится. Берке, ты пойдёшь с нами?

–Нет. Вы двое – старшие. Пусть другие думают, что я не принимаю участия в решении таких дел. Мы с Шибаном продолжим убеждать остальных.

Бату постоял, размышляя над услышанным, и нетерпеливо заходил по юрте.

Братья смотрели на него, ожидая, что он скажет.

–Да, гадать нечего.

Поглядев на гонца, спросил хищно ощерившись:

–В ловушку заманиваешь, гад?!

Митрофан боязливо закрестился. Микуле это понравилось. Он улыбнулся.

–Отчего не съездить? Сидеть без дела скучно.

Не откладывая в долгий ящик, тут же заседлали лошадей, прихватили сухарей и вяленой рыбы, и выехали в Московскую землю...

–Да не приедет Семён. Что он, глупец, голову в пекло совать? – возмущённо говорил Петру Ослядюковичу московский воевода Фёдор Нянка.

Пётр Ослядюкович, застигнутый гонцом князя Ярослава в Муроме, всё бросил (отправил обоз с подарками к свадьбе дочери с приказными), сам молнией, не щадя лошадей, помчался в Москву и расставил западню.

Нянке, с самого начала, затея ловить прощённого князем Сёмку, не понравилась, но Пётр Ослядюкович наорал: «Я тебя утвердил здесь, я и убрать могу!».

Пётр Ослядюкович заманивал Семёна ложной встречей с Сысом. Все его мысли были об одном – удавить гадёныша. Но и свидетели были не нужны. Особенно не нравилась независимость Нянки. Пообвыкся на Москве, забыл, кому обязан положением! Потому, Пётр Ослядюкович думал пока бросить Семёна в сырой погреб, а там уже, если сам от плохой кормёжки и сырости не подохнет, извести «невзначай» чужими руками.

Конечно, можно было бы и простить, да жгло мщением недавнее торжество Спиридона – ведь вылез, дьявол, из подвалов, и из под самого носа серебро унёс. Ведь всю усадьбу взрыли, а под крыльцо не догадались заглянуть! Пётр Ослядюкович вспомнил, как блеснули торжеством глаза Спиридона. Ничего, попадётся Сёмка, торжествовать будет он!

Не ожидал Пётр Ослядюкович, что князь Ярослав, всегда предвзятый к нему, поднесёт такой подарок – бери Сёмку голыми руками! А всё потому, что мстит князю Михаилу. Раз Семён у Михаила, он теперь Ярославу враг. Это хорошо – чем больше врагов у Сёмки, тем меньше шансов выжить.

Пётр Ослядюкович тщательно обдумывал, как одурачить Сёмку, чтобы заманить в ловушку наверняка, но ничего, кроме мнимого приезда Сысоа в Москву, не придумал – Сысой-то уже давно был в новгородских пределах, с немцами ратился, а может и убит (прости, господа, за такие мысли!).

Нянка, послушно расставив засады вокруг лесной заимки, всё ныл и ныл: «Зря, зря. Не приедет». Всю душу вымотал.

Они сидели в избушке. Было сыро и пахло прелью. Пётр Ослядюкович, от нечего делать, перебирал на столе янтарные бусы, молчал. Нянка маялся, тяжело вздыхал, чесал затылок или бороду.

К избе подъехали верхоконные.

Пётр Ослядюкович напрягся. Внутри всё сжалось. Неужели они? Он непроизвольно потрогал меч, опять опустил руку на стол, забарабанил пальцами. Нянка кашлянул от волнения.

Дверь скрипнула.

Нагибаясь, вошли Семён, Микула и Митрофан.

Тут же следом ввалились прятавшиеся в округе дружинники, повалили всех троих на пол, заламывая руки.

Пётр Ослядюкович с Нянкой переглянулись – гладко получилось.

–Ну, здравствуй, воровская рожа! – прогремел торжественно Пётр Ослядюкович.

–Твоя взяла, воевода, – прохрипел Семён. – Поймал.

–Молчу. Попадётся мне первый воевода на тесной лесной дорожке – посчитаюсь! Все беды его промыслом! Сейчас бы сидел себе в детинце, дрых на сене, может, женился уже, а за место этого, во, словно медведь по бурелому шатаюсь...

Через сутки вышли на дорогу, попросили двух проезжающих мужиков на подводе, к Серенску довести. Мужики пытливо осмотрели опухшие от побоев и комариных укусов лица «путников», но не побоялись, разрешили ехать. Микула сидел на телеге, свесив ноги, мрачно молчал, зыркал на мужиков не добро. Те были настороже, и это забавляло Семёна.

Без приключений добрались до Серенска. Князь Мстислав, увидев расцветшего синяками Семёна, радостно посмеялся:

–За этим ездил?

Семён смиренно согласился, пряча усмешку:

–Перебрал малость.

–Скоро к князю?

–А что, уже ждут?

–Нет, – Мстислав задумался. – У нас новости. В Чернигов прибыли послы от татар. Они и торгуют, и посольские дела делают. Говорят, у Даниила были, в Киеве были, в Смоленске. Теперь у Михаила сидят.

Семён почувствовал, как сжалось сердце – это те «купцы», которых отправил нойон Аян в Болгарию. За Русь взялись. К чему? Неужели, правда, в войну втягивают?

Семён с грустью вспомнил умершего брата Мишку. Из-за его пленения занесло Семёна на край света – в Трапезунд. Там и познакомился с послом монголов нойоном Аяном. Тот вызвался помочь спасти брата, взял с собой в Рум. Монголы плели интриги против половцев, желали подбить султана сельджуков Кей-Кубада на новый поход в Крым. Аян помог выкупить Мишку из турецкого плена, а после неудачи посольства, организовал новую интригу – монголы отправили «торговый» караван в Болгарию, чтобы купцы, всё выведывая, миновав Венгрию, достигли русских земель, и там попытались разжечь войну с половцами. Семён расстался с монголами в Болгарии. Вот теперь они сюда добрались, до Чернигова. Неутомимы в своём алчном желании поработить чужие земли, посеять раздоры, себе на пользу...

–В Чернигов поеду, – сказал Семён.

Мстислав не удивился, знал, как близки посольские дела Семёну.

–Езжай. Когда?

–А что?

–На княжеский двор голубя отправим, чтобы тебя ждали. В посольских делах ты силён.

–Денёк отлежусь, и поеду. Что они хотят?

–Не знаю. Гонец из Чернигова передал одно – у Михаила татарские послы.

–На половцев будут звать. У них грызня с половцами который год, – сказал Семён.

–Бесполезно. Чернигов с половцами дружит. Хан Котян наш союзник, а вся мелочевка половецкая, ему в рот заглядывает. Тут они ничего не добьются.

–Как знать, – Семён чувствовал, что хитрым послам чего-то добиться удастся – насмотрелся он на них в Руме и Трапезунде: всё знают, всё примечают, ловко ткнут липкую паутину ловушек даже для самых искушенных правителей.

–Михаилу какой резон слушать татар? Где они и где мы, и где половцы? Они у чёрта на куличках, а мы с половцами вот, – Мстислав потёр палец о палец. – Испокон веку трёмся друг о друга.

–Я просто хорошо знаю...

–Что знаешь?

–Знаю, на что они способны.

Микула от известия о выезде в Чернигов, пришёл в ярость, стал бешено орать и махать руками, заявляя, что он, пока не отлежится, не залечит морду, не отъестся, с места не сдвинется.

Семён переждал бурю, после чего велел купить лошадей – деньги ещё оставались.

Следующим утром выехали. Микула рысил, мотаясь в седле брэнчащим мешком, изредка ныл: нет ему в жизни счастья, и всему виной Семён.

–То Петра Ослядюковича винил, теперь, оказывается, я виноват!

–Ясное дело! Уйду я от тебя. Толку нет в такой службе. Ни жрать, ни спать. Денег обещал дать, когда братана твоего довезём. Где?

–Не довели же, – мрачно отозвался Семён.

–Это мне всё равно. Дружинники хоть корм получают, деньги на нужды. А я?

–Я тебе в Рязани давал.

–Ха. Что ты давал?

–Микула, на те деньги месяц жить можно, как сыр в масле, – возмутился Семён.

–А ты бы мне в рот не заглядывал, а ещё выдал, и делу конец!

–В город приедем – выдам!

–Выдашь ты, – остывая, буркнул Микула. – Обещаешь только. Уйду я от тебя.

–Ну и иди! – не выдержал Семён, повернулся к Микуле, уже улыбающемуся. – Иди к черту!

–А ты один будешь? – ухмыльнулся тот. – Ты же вляпаешься в кашу. Тебе присмотр нужен, как детю! Отчего маюсь с тобой? Сердце у меня доброе!

В Брянске задержались на сутки – Микула получил деньги, и напился в стельку. Семён, проклиная его и своё терпение, был вынужден валяться на пыльных полатях гостиного двора. Утром Микула покорно выслушал оскорбления, лившиеся из Семёна бурным потоком, потом всю дорогу рассказывал смешные истории, которые стряслись с ним по пьяному делу (половину выдумал, конечно). Но согласие длилось не долго – в Новгород-Северский въехали рассорившиеся и молчаливые.

Оставив лошадей на Микулу, Семён пошёл на двор к князю Олегу, с которым уже не раз имел дело, и мог быть принятым радушно. Так и оказалось. Олег позвал к трапезе. Про татарских послов ничего не знал – Михаил с ними «секретничал» лично, не сзывая удельных князей на совет.

–Оно и понятно. С татарами какие у нас могут быть дела? Ты вот скажи, что князь Ярослав затеял? Суздальцы с немцами как бьются?

–Ничего не знаю. Своего человека посылал в Переяславль, его схватили. Я ведь там вне закона, – вздохнул Семён.

–Ночевать останешься?

–Нет. Надо к великому князю. Ещё прогневается. Да и на службу пора определиться. Устал без дела томиться.

–Это правильно. Служба – она от бога. Раз так судьба указала, от неё не уйдёшь. Если в Чернигове места не дадут, пойдём ко мне – в Курск. Я здесь, в Новгороде, за Изяслава сижу. Он сейчас при Михаиле. А ты повоеводил изрядно, Переяславль Южный держал. Мне бы спокойнее было, если бы ты за курскую землю стараться стал.

–Спасибо, князь, – Семёну было лестно, что он успел заслужить уважение князей. Только он не знал, чего желал – тёплого места, чтобы жирком обрастать, или такой же хлопотливой судьбы, какая была при службе Юрию. Если осядет, то попытается вывезти семью. Но как?

Путь от Новгорода– Северского до Чернигова Семён проделал в тягостных переживаниях. Был ли смысл в его теперешнем житье-бытье? Где выход? Любовь к Наталье должна стать прошлым – она выйдет замуж. Вернуться в семью он не в силах, нет ему дороги на север. Ничего нет.

Первым делом, Семён показался князю Михаилу.

Тот выглядел бодрым, уверенным в своих силах. Воеводы храбрились, докладывали о собранных запасах, о выделке мечей, щитов и копий. Всё это напоминало предвоенную суету. Семёну сразу не понравилось происходящее, но он низко склонился перед князем, не выдав своей настороженности.

–Здравствуй. Пришёл? Хорошо. Без службы не оставлю. Дам сотню воинов. Пока. Так-то. Фёдор, определи сотника, чтобы ни в чём не было недостатка.

Семён снова поклонился, и вышел из светлицы, ошарашенный и униженный – он сотник! Всего-навсего сотник! А размечтался! Эх, судьба! Теперь всё с начала, с самого-самого. Думал, будет, как прежде, среди князей. Теперь-то кто его заметит?

Остаток дня Семён пролежал в комнате, отведённой ему Фёдором под жильё, смотрел в потолок, молчаливо поел за общим столом в трапезной. Микула выглядел подавленным не меньше Семёна, и всё время молчал.

Дни летели за днями. Семён понемногу свыкся с новым положением. Микула был рядом, не давал окончательно пасть духом.

Князь Михаил лишь однажды снизошёл до него: «Как служба? Не жалуешься? Поговорим потом».

«Что даст, это потом?», – усмехнулся про себя Семён.

Службы, как таковой, не было – утром воевода выстраивал дружину, и распределял, кого куда – тех в конвои, тех в караул, тех в сопровождение. Скучно, лениво. Ешь, пьёшь, ходишь, спишь. Иногда упражнялись на мечах, чтобы не забыть главного – умения сражаться, стреляли в мишени из луков. Обычная гарнизонщина. Такая служба отупляет. Прежние скитания, княжеское окружение, переживания и борьба, вспоминались теперь счастливой порой.

Но, за повседневной размеренной волокитой, Семён не мог не заметить главного – Михаил готовился к войне, готовился деятельно. И это началось с татарским посольством. Послы уехали, не добившись посулами неприязни Михаила к половецким соседям, поехали дальше – в Суздальское княжество. Семён в своих думах задавался вопросом: может, они добились другого? От такой мысли становилось не по себе. Предчувствие войны пропитало всё его существо. Даже ночами, в его снах, кипели битвы, и лилась кровь – он рубил наотмашь, рубил, и просыпался усталый, мокрый от пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.